

П.А. ЦЫГАНКОВ, Е.Н. ГРАЧИКОВ

**ПРОБЛЕМА МИРОВОГО ПОРЯДКА В КИТАЙСКОЙ
И РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

Введение

Неолиберальная трактовка глобализации как «столбовой дороги в светлое будущее всего человечества» в последнее время подвергается сомнению, как и еще недавно популярные в науке международных отношений теории «демократического мира», «универсальных ценностей», «человеческой безопасности», «гегемонической стабильности», «гуманитарной интервенции» и др. Нашли свое подтверждение аргументы тех представителей международно-политического знания, которые уже с 70-х годов прошлого века предупреждали об ограниченности научной аксиоматики и методологических подходов, основанных на господствующем и западоцентричном восприятии мировых реалий.

В Китае и России актуализировалась потребность формирования собственных подходов к познанию сути и тенденций меняющегося миропорядка на основе своего исторического опыта, национальной культуры и мировоззрения. В академических кругах двух стран она находит растущее понимание, оформляясь в устойчивую (хотя и все еще слабо выраженную в России) тенденцию формирования «национальной школы» международных исследований. В России издан ряд работ, посвященных состоянию отечественной науки, предложены и идеи по формированию национальной ТМО. В Китае уже много лет наблюдается подобный процесс.

Стоит отметить и то, что в России существует устойчивый интерес к китайским теоретическим изысканиям в области МО. В свою очередь, в Китае проявляется интерес к российским исследованиям. В обеих странах существует обширный массив литературы по проблемам миропорядка, его современному состоянию, тенденциям и возможным обликам будущего. Определенный интерес к становлению российской и китайской школ международных отношений проявляет и западная наука. В то же время практически отсутствуют попытки сравнения состояния и развития международно-политической науки в обеих странах, так же как и сопоставления представлений российских и китайских ученых о современном миропорядке и тенденциях его трансформации. В предлагаемой статье предпринята попытка отчасти заполнить этот пробел, способствуя дальнейшему развитию как взаимного интереса научных сообществ, так российской национально-ориентированной ТМО.

В первом разделе сравниваются основные факторы, влияющие на развитие изучения международных отношений в России и в Китае. Далее анализируются ведущие тренды в международных исследованиях обеих стран. В третьем разделе сопоставляются модели миропорядка.

Основные факторы, влияющие на международные исследования в России и в Китае

Как в российском, так и в китайском академическом сообществе тенденция становления прагматичной науки МО, ориентированной на осмысление и реализацию национальных интересов, становится все более заметной. Основное влияние на эту тенденцию оказывают такие факторы, как внешнеполитический статус страны, внутренняя ситуация, социально-политический и культурный контекст, в котором развиваются международные исследования.

Сегодня уже ни для кого не секрет, что «коллективный Запад» не намерен отказываться от выстраивания миропорядка на основе своей глобальной гегемонии и что основными препятствиями в достижении этой цели американские политические элиты считают Россию и Китай. Учитывая высокую степень экономической и финансовой взаимозависимости Китая и США, Америка вынуждена вести себя с КНР относительно сдержанно. В отноше-

нии Российской Федерации, которая не обладает подобными ресурсами, Запад чувствует себя гораздо более «свободно». Поэтому против нее ведется «многомерная война» на истощение [Россия в глобальной политике, 2015, с. 166–177].

В составе внутренних факторов, оказывающих влияние на международные исследования, важнейшее место принадлежит трансформации национальной идентичности. В Китае в период его новейшей истории рубежным этапом на этом пути стали реформы Дэн Сяопина, в России – распад СССР. Так, китайские исследователи говорят о фундаментальном изменении национальной идентичности Китая с момента начала реформ и объявления открытости [Niu Xinchun, 2015]. В 1978–2008 гг. впервые отмечается появление в Китае среднего класса, хотя одновременно происходит и существенное расслоение общества по уровню доходов. Класс состоятельных людей – носителей новых смыслов либеральной идентичности – характеризуют растущие претензии на лидерство в международных отношениях, которые, впрочем, еще не подкреплены технологическими и культурно-образовательными новациями (сохраняется положение «догоняющего») [Грачиков, 2015, с. 164].

Как известно, процесс формирования и изменения идентичности связан с сопоставлением и противопоставлением Я и Другого, Эго и Альтер. Однако в культуре отношений имперского Китая с окружающим его миром (до 1911 г.) не было ничего похожего на «международность», поскольку отсутствовала обычная для западного понимания структура, в которой «Я» противопоставлялось «Другому» [Qin Yaqing, 2010]. Теперь же впервые появляется коллективная идентичность, включенность в институты мировой системы. Одновременно возрождается восприятие Китая как великой державы, реализуется глобальная стратегия «выхода за рубеж» («цзоучуэи чжаньлюэ») [Zhongguo, 2011, р. 1–17], которая наталкивается на жесткое противодействие практически всех крупных держав, т.к. Китай вторгается в уже поделенное пространство [Zhang Shiping 2009]. С приходом к власти Си Цзиньпина в 2009 г. в Китае связывают формирование идентичности глобальной державы: попытки структурирования собственного, без США и Европы, геополитического и геоэкономического пространства. Китай выдвигает глобальные инициативы по созданию нового международного порядка, основанного на китайских традиционных ценностях, которые предлагаются в качестве глобальных.

Что касается России, то развал Советского Союза повлек за собой утрату как коллективной (принадлежность к «единой семье советских народов» и к «мировой системе социализма»), так и ролевой идентичности (одна из «сверхдержав» и лидер мирового рабочего и коммунистического движения). Попытка найти новую коллективную идентичность через «присоединение» к «сообществу цивилизованных стран» едва не закончилась полным экономическим крахом и утратой внутреннего и внешнего суверенитета. Потребовались годы преодоления тяжелых экономических испытаний и трудного вхождения в мировую политику на правах самостоятельного и авторитетного игрока – процессов, которые остаются незавершенными и поныне. Постепенно опыт взаимодействия с евро-атлантическим сообществом создал у значительной части российских правящих элит и политического класса страны устойчивое представление о нежелании «партнеров» идти на равноправное сотрудничество и признавать право России на собственные интересы, на внутренний и внешний национальный суверенитет. Запад все больше воспринимается как Другой с отрицательным знаком, а российская идентичность – как не-Западная. Рубежными в этом смысле стали 2007-й («мюнхенская речь» Путина), 2008-й («пятидневная война» с Грузией) и 2014 годы (кризис вокруг Украины)¹. Вместе с тем значительной является и та часть общества, политического класса и национальной элиты, которая идентифицирует себя с Западом (главным образом с Европой). При этом в России кризис идентичности протекает более болезненно по сравнению с Китаем, который никогда не считал себя частью Европы / Запада, всегда настаивал на неповторимости своей культуры и на собственном пути развития², хотя и стремился избегать конфликта с Западом.

¹ Весьма характерно, что эти же годы отмечаются китайскими учеными как рубежные в становлении глобального Китая: 2007 г. – запуск первой китайской противоракеты как «начало конца» американской гегемонии, 2008 г. – проведение летних Олимпийских игр в Пекине и триумфальная победа китайской команды как очевидное подтверждение мирового статуса и влияния Китая, 2014 г. – подписание газовых и нефтяных контрактов, 2015 г. – совместное с Россией празднование 70-летия Победы над фашизмом в Москве и Победы Китая в антияпонской войне как демонстрация стратегических отношений между Россией и Китаем.

² В 2014 г. отдел пропаганды ЦК КПК инициировал идеологическую кампанию «Китай должен идти собственным путем».

В современном Китае изучение мировых реалий и создание науки международных отношений с «китайской спецификой» считается общенациональной задачей. Такая наука востребована и встречает финансовую, институциональную и пр. поддержку со стороны государства¹. Эксперты отмечают взаимозависимость и взаимопроникновение взглядов политических и академических международных партнеров Китая. Они подчеркивают, что и те и другие стремятся позиционировать себя в глобальном масштабе и отстаивать китайские интересы в международном взаимодействии [Noesselt, 2010].

В России запрос на развитие национально ориентированной науки международных отношений гораздо слабее. Несмотря на некоторые позитивные сдвиги в институализации и формировании инфраструктуры международных исследований [Цыганков, Цыганков, 2014], существующая система организации науки и образования способствует скорее игнорированию национальной международно-политической мысли, самоколонизации национального образовательного пространства в пользу Запада. Поэтому стремление к развитию национальноориентированных международных исследований во многом остается уделом энтузиастов. Хотя инфраструктура российских международных исследований вполне сопоставима с китайской, российские ученые-международники испытывают трудности, связанные с бюрократизацией научной деятельности, доступностью новейшей литературы и ведущих научных журналов на иностранных языках [Лебедева, 2013; Тимофеев, 2014]. Финансово-экономический кризис и западные санкции ограничивают возможности контактов с зарубежными коллегами и участия в престижных международных конференциях. Китайцы же не только учатся и работают на Западе, но и возвращаются в КНР, где созданы комфортные условия для ученых-международников и национально-ориентированных исследований.

Указанные факторы объясняют особенности основных трендов в развитии международно-политических исследований в рас-

¹ В Канцелярию по планированию исследований в области общественных наук Отдела пропаганды ЦК КПК со второй половины 2011 по конец 2012 г. с заявками на получение грантов обратились 250 изданий по общественным наукам, из них 21 – по международной проблематике (...) Каждое издание получило по 400 тыс. юаней [Wu Xingzuo, 2013, p. 63–65].

смаатриваемых странах, в осмыслении места и роли России и Китая в меняющейся структуре мирового порядка.

Современные тенденции в развитии науки международных отношений в России и в Китае

Становление национальных школ международных исследований в обеих странах связано с освоением существующих в мировой / западной науке макротеорий и с возникновением «поколения переводчиков», как охарактеризовал эту ситуацию А.Д. Богатуров, имея в виду период интенсивного осмысления западной международно-политической мысли. Различие заключается в том, что в Китае этот процесс привел к формулированию основных концепций МО «с китайской спецификой», которые можно рассматривать как попытки создания собственной «большой теории», у нас же делаются только первые шаги в этом направлении. «Поколение переводчиков» в Китае выполнило свою задачу: от освоения западных подходов и макротеорий китайские международники перешли к осмыслению собственных задач и попыткам концептуализации миропорядка, опираясь на ТМО «с китайской спецификой».

Даже те ученые, которые отвергают необходимость особой китайской школы международных отношений, подчеркивают различия в понимании мировой политики китайскими и западными исследователями. Так, например, по мнению Янь Сюетуня, международная наука должна учитывать, что, как отмечено в текстах древних китайских учителей, сила имеет гораздо меньше материально-физических коннотаций и намного больше моральных элементов [Xuetong, 2011]. Для Чжао Тиняня мировоззрение, основанное на древнекитайских представлениях, способствует более адекватному восприятию современных международных отношений, чем взгляды, лежащие в основе Вестфальской системы [Tingyang, 2005]. По убеждению Цинь Яцина, китайская школа теории МО не только возможна, но и будут способствовать производству знаний и творческому синтезу разных культур и цивилизаций [Yaqing, 2013 b].

При этом, поскольку в КНР доминирует тенденция к учету национальных традиций и «особенностей», китайские международники стремятся не «раствориться» в глобальном академическом сообществе, а присоединиться к мировым дебатам с целью участия

в создании универсальных теоретических рамок, которые автоматически включали бы китайские концепты миропорядка и международных отношений в целом [Бузан, 2012]. Главная функция «китайской школы» – разработка концепций, которые отражали бы традиционную культуру и национальные интересы Китая и позволили бы интегрировать эти концепции в контекст глобальных дебатов мирового академического сообщества. Это приводит к тому, что вопрос о «китайских особенностях», оставаясь на периферии мировой политической науки, уже с начала 2000-х годов привлекает к себе внимание и за пределами КНР [China and... 2009; Jacques, 2009; Contemporary Chinese... 2012; Katzenstein, 2012; Luttwak, 2012; Qing, 2013; A Confucian... 2013; Chih, 2013].

В российском академическом сообществе существует позиция, согласно которой поиски «местных особенностей», а тем более попытки создания «автохтонных школ» не только непродуктивны, но и чреваты игнорированием основных достижений мировой международно-политической мысли. Число последовательных сторонников такой позиции относительно невелико. Вместе с тем предупреждение об опасности изоляционизма не может оставаться без внимания большинства российских ученых, которые разделяют мысль о необходимости развития национальной школы международных исследований. Между ними существует согласие в том, что такая школа должна более внимательно и целенаправленно опираться на традиции и наработки отечественной мысли и интегрировать все достижения мирового / западного научного сообщества [Цыганков, Цыганков, 2014]. Следует признать, однако, что на пути решения как той, так и другой задачи стоят серьезные трудности: русская политическая мысль недостаточно активна по части включения ее лучших традиций в современный концептуальный аппарат международных исследований [Цыганков, 2014], а достижения мировой науки слишком часто «конвертируются» в ней в американо- и западоцентризм.

Российские и китайские эксперты отмечают, что в обеих странах наблюдается отсутствие единой идеологии академического дискурса, фрагментация и диверсификация международных исследований. Схожей является и своего рода дихотомия: «западники vs почвенники и государственники» в РФ, «исключительно западный дискурс vs ориентация на традиционную политическую культуру» – в КНР. При этом в обоих случаях западные / американские анали-

тические модели рассматриваются их китайскими и российскими приверженцами как строго научные аргументы, дающие объективную и единственно верную картину действительности, а модели их оппонентов – как не имеющие никакой научной ценности. То, что в КНР основные участники дискуссии, принимая западный дискурс, склоняются к необходимости «китаизации» ТМО, во многом определяется «госзаказом» – это требование не только поддерживается, но и инициируется правящими элитами. В России же этот спор связан не столько с партийно-государственными реалиями, сколько с историческими дебатами, имеющими отношение к геополитическому положению страны. Кроме того, здесь он по-прежнему ведется преимущественно в «западном» формате и еще не ощутил в полной мере внутреннюю потребность в «россизации» ТМО. Однако и здесь за последние годы наметился тренд к более четкому формулированию и обоснованию правомерности национальных интересов не только в сфере дипломатии, но и в исследовании международных отношений и внешней политики. По нашему мнению, тот факт, что он возник и развивается, прежде всего в формате экспертных оценок и прогнозов, базируясь, главным образом, на реалистических подходах, вполне объясним: теория и методология политического реализма не только доминирует в российском сообществе международных отношений, но и стимулируется самой обстановкой, складывающейся сегодня в мире в целом и вокруг России в частности.

В свою очередь, в Китае больше, чем в России, популярны «английская школа» и близкий к ней по методологии социальный конструктивизм [Бузан, 2012, с. 73–82]. И это тоже неслучайно, учитывая высокую степень взаимозависимости китайской и западной (прежде всего, американской) экономик, национальную историю Китая и стремление КНР к конструированию регионального политического пространства на основе собственных представлений о справедливом международном порядке. При этом международники КНР говорят о «китайской специфике» (Чжао Тинян, Цинь Яцин), с позиций которой они критикуют взгляды Б. Бузана и А. Вендта – ведущих представителей «английской школы» и конструктивизма. Так, например, по мнению Цинь Яцина¹, центральные

¹ Цинь Яцин – постоянный проректор Университета международных отношений Китая, известный сторонник конструктивизма в китайской школе МО.

понятия, на которых основаны данные теории – «международное общество» и «идентичность», – статичны и культурно ограничены [Yaqing, 2013, p. 67–89]. Китайские идеалисты, разумеется, высказываются о неправомерности аксиоматики политического реализма. Однако сколь бы последовательными ни были их позиции (вплоть до утопических идей о мире, сотрудничестве и развитии как ведущих тенденциях современного глобального развития), их критика реализма не затрагивает таких краеугольных положений, как незыблемость национального суверенитета и ведущая роль государства в мировой политике. Впрочем, линия политического реализма также достаточно заметна в китайской литературе по международным отношениям. Так, например, Янь Сюетун пишет, что «жесткая сила на самом деле может быть в равной степени важна как для гуманной власти, так и для гегемонии, поскольку мораль является хотя и необходимым, но не достаточным условием для достижения мирового лидерства» [Xuetong, 2011, p. 91].

Как видно из вышесказанного, среди основных направлений науки международных отношений заметное внимание в обеих странах уделяется зарубежным (прежде всего, западным) теориям и подходам, так что опасность изоляционизма от мировых академических трендов, хотя и существует и, возможно, даже недостаточно осознается, все же не критична. По нашему мнению, правомерно высказать осторожный оптимизм и по поводу того, что касается соотношения российских теоретических и прикладных исследований международных отношений, – внимание к последним очевидно [подробнее об этом см.: Дегтерев, 2015, с. 35–54].

Проблематика международных исследований в России отражает такие общие направления, как безопасность, глобальные и региональные процессы, международные институты, интеграционные тенденции и линии размежевания в мировой политике, внешняя политика страны [Лебедева, 2013; Цыганков, Цыганков, 2014]. В Китае наряду с указанными направлениями ведутся работы по таким темам, как концепции международных систем, международная политэкономия, национальные интересы, феминизм в международных

Его перу принадлежат книги «Сила-Институты-Культура: эссе по теории и методологии международных отношений» (2005), «Теория международных отношений: рефлексии и реконструкции» (2012), «Отношения и процессы: Культурные основания теории международных отношений Китая» (2012) (на кит. яз.).

отношениях, международная стратегия Китая, проблемы суверенитета, методы исследования МО, проблемы «китаизации» МО и др.

Среди тем, которые в последнее время привлекают наиболее заметное внимание российских авторов, стоит упомянуть евразийские исследования, военно-политическую проблематику. На передний край в качестве приоритетных направлений международных исследований выдвигаются стратегия основных игроков глобальной системы и место России в мировой политике. В обеих странах закономерно усиливается внимание к изучению трансформаций глобальной политической системы и моделей будущего миропорядка.

3. Концептуальные модели будущего миропорядка в России и в Китае

Украинский кризис и феномен гибридной, или многомерной, войны, развязанной Западом против России и затронувшей в тех или иных аспектах другие государства за пределами евроатлантического ареала, стал еще одним, возможно решающим, свидетельством того, что современные международные отношения переживают этап перехода к новому миропорядку. Как в российском, так и в китайском сообществе международников доминирует убеждение, что основная тенденция глобального развития состоит в переходе от гегемонии США и Запада к новому миропорядку. Дискуссии ведутся вокруг сценариев будущей организации и регулирования международных отношений.

В российской экспертной и исследовательской литературе такие дебаты концентрируются вокруг *поствестфальской*, *постзападной* и *полицентричной* моделей, в Китае – вокруг концепций «мирного возвышения / развития Китая», «глобальной / мировой гармонии» и «ответственной державы». Ученые изучают существующие и возможные иерархии власти в глобальном и региональном измерении, структуру национальных интересов, пути укрепления суверенитета перед новыми вызовами.

В первые постсоветские годы многие в академическом сообществе России разделяли мнение о том, что развал СССР положил начало эпохе совпадения интересов ведущих мировых игроков, бесконфликтности, согласия и сотрудничества в международных отношениях. Широко распространенным было убеждение в том, что ми-

ру не грозит новая конфронтация, потому что Запад будет содействовать укреплению в обновленной России институтов демократии и принципов правового государства, а также созданию в ней фундамента рыночной экономики. Подобные позиции вписывались в идею о «конце истории», сформулированную в 1989 г. американским политологом Ф. Фукуямой.

В 1996 г. Е. Примаков, назначенный министром иностранных дел вместо А. Козырева, выдвинул концепцию многополярного мира и идею «треугольника» Россия – Китай – Индия. Это стимулировало широкую дискуссию о состоянии, перспективах и возможных контурах нового миропорядка, выходящую за рамки спора реалистов и либералов. Наряду с попытками переосмысления западных концепций – мирового гражданского общества [Мунтян, 2015], глобального управления [Лебедева, Харкевич, Касаткин, 2013] и др., появляются оригинальные теоретические модели плюралистической однополярности, конгломеративного характера глобализации [Богатуров, 2003], «битвы идентичностей» [Кортунов, 2015], которые вносят плодотворный вклад в споры о состоянии и возможном будущем мирового порядка.

Сторонники *поствестфальского сценария* исходят из убеждения, что устойчивой тенденцией мирового развития становится кардинальное изменение места государства в мировой политике и трансформация национального суверенитета. Либеральная версия этого сценария исходит из убеждения в необходимости преодоления эгоистических национальных интересов и выстраивания отношений на основе универсальной морали. Соперничеству государств должен быть противопоставлен порядок, создаваемый в социетальных сетях негосударственными акторами. Такой порядок будет основан на первостепенном удовлетворении потребностей индивидов, а не государств. Он станет гораздо более справедливым и нравственным, поскольку его ценности – это ценности всего человечества, а не только государств. Будучи близкими к теориям мирового гражданского общества, подобные сценарии исходят из убеждений о существовании неодолимой тенденции к изменению роли государства как центрального звена Вестфальской международной системы.

Реалистские представления подчеркивают структурообразующую роль государства при формировании нового порядка. Настаивая на упадке Вестфальской системы, они постулируют возможность формирования более стабильной и более безопасной –

нео-Вестфальской – глобальной международной системы, которая должна учитывать как позитивный, так и негативный вестфальский опыт [Кортунов, 2015]. Рост числа «несостоявшихся» государств, по определению не способных управлять своей территорией, с одной стороны, и злоупотребления суверенитетом государствами, нарушающими фундаментальные права человека – с другой, требуют новых подходов к мировой политике. В связи с этим выдвигается идея «нового концерта наций», способного противодействовать нарастанию хаоса в мире как непосредственно, так и через международные институты. Для этого должна быть создана коалиция сильнейших государств, заключивших друг с другом союз о принципах и правилах управления отношений с остальным миром, реформированы ООН и другие международные организации [Иноземцев, Караганов, 2005]. Идея о возврате к новому «концерту наций» в условиях глобализации высказывалась и В. Никоновым. Однако, в отличие от авторов вышеописанных сценариев, он не настаивает на том, что единственно правильным является курс на интеграцию с Западом. Напротив, он подчеркивает, что стабильный международный порядок невозможен без таких стран, как Россия, Китай и Индия [Никонов, 2002].

Созвучные дискуссии ведутся и в китайском сообществе международных. При этом основное препятствие на пути решения глобальных проблем и формирования справедливого международного порядка усматривается в местническом или региональном подходе к ним со стороны одной части земного шара за счет всех остальных и, в этом смысле, в отсутствии целостного взгляда на мировое развитие. В западной философии, пишут китайские исследователи, мир понимается как простое географическое понятие, «пустая оболочка». В таком мире государство является актором, который не может видеть дальше своих национальных интересов и понять долгосрочные интересы мира в целом. Как утверждает Чжао Тинян¹, в большинстве изданий, посвященных политическим

¹ Чжао Тинян – политический философ, профессор Института философии Академии общественных наук Китая, представитель идеализма в китайской школе МО. Выдвинул концепцию возврата современной международной системы МО к обновленной системе Тянься периода династии Чжоу, которая широко обсуждается в западном академическом сообществе. Автор книг: «Мир без мирового взгляда» (2005), «Система Тянься: Введение в философию мирового института» (2005),

исследованиям, и в самых влиятельных работах по международным отношениям местнический, эгоистический интерес представляется как вполне оправданный. И это свидетельство того, что миру не хватает «мировости» (world-ness), что в нем отсутствует «достойная философия мира» – мировоззрение, которое отвечало бы за всех жителей мира [Tingyang, 2005].

Преодоление Вестфальской системы, по убеждению Чжао Тиняня, возможно через ее переосмысление на основе древнекитайского представления о мире как целостной системе. Поэтому путь к новому миропорядку – это восстановление новой системы Все-под-небесами (Поднебесная – Тянься), творчески обновленной модели династии Чжоу. Фундаментальным требованием для любого решения проблем, с которыми сталкивается современный мир, является превращение не-мира в реальный мир или мира в систему Тянься. Этим обеспечивается хороший исторический шанс для установления истинного «мир-изма» (worldism) – мировоззрения, которое принимает во внимание весь мир, а не только локальность, и считает общие глобальные интересы выше местных. Такое мировоззрение «работает» по принципу семьи, создавая мир универсальных семейных связей, в котором враждебность превращается в гостеприимство, в котором царит гармония и никто не создает врагов [Tingyang, 2005].

В то же время, как считает Янь Сюетун, КНР, безусловно, должна стремиться к мировому лидерству. В этом отношении, в дополнение к увеличению комплексной мощи государства, он, в частности, акцентирует внимание на союзах как стратегии достижения гегемонии. Когда мощное государство образует блок и лидирует в нем и когда этот блок является сильнейшим в международной системе, лидирующее государство является гегемоном. Поэтому Китай должен изменить свою нынешнюю политику отказа от союзов и сформировать альянс с такими дружественными государствами, как Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Пакистан, Бангладеш, Мьянма, Камбоджа, Лаос и Народная Республика Корея [Xuetong, 2012, p. 131].

В России коллизии в развитии Запада и подъем не-Запада придали новый импульс сценариям *полицентричного и постзападного миропорядка*. Обе концепции исходят из того, что центральным конфликтом сегодняшнего мира стал конфликт между Россией и Западом. От того, как он решится – компромиссом (если у России хватит запаса прочности) или подавлением и даже распадом российской государственности, – будет зависеть дальнейшая конфигурация соотношения сил в мировой системе [Россия и мир, 2015, с. 30–46]. Будущее, по мнению А. Арбатова, за полицентричным миром, контуры которого просматриваются уже сегодня. Вместе с тем в современной мировой политике наметились две линии размежевания: Россия – НАТО / ЕС и Пекин – Вашингтон. По «закону полицентричного мира» это ведет мировую систему к двухполюсной конфигурации, стимулируя более тесные отношения между Пекином и Москвой в противовес Западу. Однако это не грозит новой биполярностью, так как связи основных стран не-Запада и их зависимость от США и ЕС намного превышают их связи и зависимость друг от друга. Структуру грядущей полицентричности академик усматривает в том, что перед лицом внутренних и общемировых проблем все ведущие игроки обречены на мирные отношения друг с другом. В частности, США будут вынуждены учитывать реалии взаимозависимости, Китаю придется принять во внимание, что силовое поведение может сплотить против него соседние страны, а Россия, сохраняя свои традиции, должна вернуться на европейский путь [Россия в глобальной политике, 2015, с. 19–37]. Противоположной точки зрения придерживается Янь Сюетун, который настаивает, что мир движется к биполярной системе США – КНР, хотя будут продолжаться процессы становления других центров мировой геополитики [Xuetong, 2012].

Со своей стороны А. Цыганков считает, что формирование действительно полицентричного мира «откладывается» на период глобальной неопределенности, который, скорее всего, «продлится не одно десятилетие и окажется наиболее опасным со времени окончания Второй мировой войны» [Россия в глобальной политике, 2015, с. 107–119].

Другие полагают, что будущее не за полицентричным, а за бесполярным миром. Сегодня ни одна страна не обладает достаточными ресурсами для диктата своей воли. Америка перестает быть гегемоном. Запад утрачивает лидирующие позиции в миро-

вой политике, по крайней мере значительную их часть. В результате происходит неуклонное перемещение центра мирового влияния от Запада – США и Европы – на Восток, к Китаю, странам ЮВА, Бразилии и, возможно, России, в результате чего формируется бесполосный мир [Баталов, 2012].

«Так или иначе, – пишет А. Безруков, – если Россия устоит до 2020 года, если все попытки ее противников не приведут к экономическому коллапсу, хаосу и распаду страны, то можно будет с уверенностью сказать, что доминированию Запада пришел конец. Это значит, что международные отношения официально вступят в новую эру» [Россия и мир, 2015, с. 27].

Таким образом, в обеих странах реальная конфигурация соотношения сил в глобальной политической системе закономерно видоизменяется, проходя через призму интерпретации стратегического положения страны в мировой иерархии власти, важнейших аспектов ее исторического и культурного опыта, а также идейно-теоретических предпочтений авторов. При этом критический анализ доминирующих западных теорий сочетается с заимствованием некоторых из них (например, «мягкой силы», «международного общества», глобального гражданского общества) с целью переосмысления в ином социокультурном контексте и использования в качестве инструмента продвижения собственных взглядов.

Заключение

В международных исследованиях китайских и российских ученых наблюдаются как близкие положения, связанные с общностью ряда факторов глобального геополитического свойства и характером взаимных отношений, так и различия, обусловленные региональными особенностями, традициями международной мысли, спецификой социокультурного контекста и не в последнюю очередь – стратегиями правящих элит.

В науке международных отношений обеих стран сохраняется культурное доминирование западных теоретических концепций и подходов. В то же время и в Китае, и в России отмечается тенденция адаптации западных парадигм к иным условиям, становления национальных школ, ориентированных на аргументацию собственных интересов. В Китае этот процесс более востребован и идет

значительно быстрее. Существует уже устоявшаяся точка зрения о «китайской специфике». Китайская наука продвинулась дальше и на пути преодоления своей периферийности в глобальной науке МО.

В обеих странах большинство ученых выступают за сохранение суверенитета, настаивают на высоком статусе страны в мировой иерархии. В Китае эта позиция более распространена и более бескомпромиссна. В российских исследованиях линия размежевания реалистов и либералов носит более четкий характер. Вместе с тем российские реалисты говорят о «групповом суверенитете» как условии глобальной стабильности [Безруков, 2015], а либералы признают, «что власть государств не снижается» [Лебедева, Харкевич, Касаткин, 2013, с. 25]. При этом российское видение проблематики миропорядка более плюралистично и менее нормативно. Кроме того, за редкими исключениями, российские международники, в отличие от некоторых из своих китайских коллег, не настаивают на глобальном лидерстве России в будущем миропорядке.

Список литературы

- Арбатов А.Г.* Крушение миропорядка? // Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил / Под ред. Ф. Лукьянова. – М.: Эксмо, 2015. – С. 10–20.
- Барановский В.* Трансформация мировой системы в 2000-х годах // Международные процессы. – М., 2010. – Т. 8. – № 1(22). – С. 4–13.
- Баталов Э.Я.* Современные глобальные тренды и новое сознание // Международные процессы. – М., 2012. – Т. 10. – № 1(28). – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-eight/02.htm> (Дата посещения: 20.08.2015.)
- Безруков А.* Это не конец истории // Совет по внешней и оборонной политике. – 2015. – 15 июля. – Режим доступа: <http://svop.ru/main/16049/> (Дата посещения: 24.08.15.)
- Безруков А., Сушенцов А.* Россия и мир в 2020 году: Контуры тревожного будущего. – М.: Эксмо, 2015. – 137 с. – Режим доступа: http://www.hse.ru/pubs/share/direct/demo_document/152996587 (Дата посещения: 16.10.2015.)
- Бергер Я.М.* Эволюция геополитических взглядов в Китае // Проблемы Дальнего Востока. – М., 2010. – № 4. – С. 23–37.
- Богатуров А.Д.* Современный международный порядок // Международные процессы. – М., 2003. – Т. 1. № 1(1). – С. 6–23.
- Бужан Б.* Наука о международных отношениях – удел избранного круга государств // Международные процессы. – М., 2012. – Т. 10. – № 3. – С. 73–82.
- Нин В.* Особенности и современное состояние мировой политики как науки и учебной дисциплины в Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2008. – № 4. – С. 15–43.

- Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: Эгоцентризм и пространство сетей. – М.: Ру-сайтс, 2015. – 234 с.
- Дегтерев Д.А. Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. – М., 2015. – Том 13. – № 2. – С. 35–54.
- Иноземцев В.Л., Караганов С.А. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. – М., 2005. – № 1. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_4476 (Дата посещения: 14.09.2015.)
- Кортунов С.В. Крушение Вестфальского мира и становление нового мирового порядка // Клуб мировой политической экономики. – М., 2015. – Режим доступа: http://www.wpec.ru/text/200708310905.htm#_ftn1 (Дата посещения: 24.08.15.)
- Кузнецов А.М. Сибирское бремя, китайская специфика, или что нам делать с китайской теорией международных отношений // Российский совет по международным делам. – М., 2014. – 20 января. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/?id_4=932 (Дата посещения: 15.08.15.)
- Лебедева М.М. Российские исследования и образование в области международных отношений: 20 лет спустя // Рабочая тетрадь / Российский совет по международным делам. – М., 2013. – № 11. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1394#top-content (Дата посещения: 12.08.2015.)
- Лебедева М.М., Харкевич М.В., Касаткин П.И. Глобальное управление. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 219 с.
- Мунтян М.А. Глобальное гражданское общество и гуманитарные науки. – М., 2015. – Режим доступа: <http://law-znatock.ru/docs/index-6313.html> (Дата посещения: 15.08.15.)
- Тимофеев И. Наука международных отношений: вернуть лидерство? // Российский совет по международным делам. – М., 2013. – 13 марта. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1524#top-content (Дата посещения: 17.06.2015.)
- Никонов В.А. Назад, к концерту // Россия в глобальной политике. – М., 2002. – № 1. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_15 (Дата посещения: 20.08.2015.)
- Тимофеев И.Н. Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений // Рабочая тетрадь; Российский совет по международным делам. – М., 2014. – № 18. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_WP_18_RU.pdf (Дата посещения: 20.08.2015.)
- Цыганков А.П. Теория международных отношений: традиции русской политической мысли: учебное пособие. – М.: Альфа-М: Инфра-М, 2013. – 336 с.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А. Российские международники-теоретики: опыт автопортрета (Результаты экспертного опроса) // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2014. – № 9. – С. 92–102.
- A confucian constitutional order / Ed. by D.A. Bell, F. Ruiping. – Princeton, NJ, 2013. – vii, 256 p.
- China and the global politics of regionalization / Ed. by E. Kavalski. – L., 2009. – 195 p.
- China and the international system: Becoming a world power / ed. by Xiaoming Huang, Robert G. Patman. – L.; N.Y.: Routledge. 2013. – 256 p.
- Contemporary chinese political thought: Debates and perspectives / Ed. by F. Dallmayr, Z. Tingyang. – Lexington, KY: Univ. press of Kentucky. 2012. – vii, 295 p.

- Martin J.* When China rules the world: The end of the western world and the birth of a new global order. – N.Y., 2009. – Mode of access: http://inctpped.ie.ufrj.br/spiderweb/pdf_3/4_when_china_martin_jacques.pdf (Дата посещения: 21.09.2015.)
- Qing J.* How China's ancient past can shape its political future. – Princeton, NJ, 2013. – 236 p.
- Luttwak E.N.* The rise of China vs the logic of strategy. – Cambridge, MA; L., 2012. – 356 p.
- Neuman St.* International relations theory and the third world. – N.Y.: St. Martin's press, 1998. – 244 p.
- Noesselt N.* Entre particularité et univrsalité: à la recherche d'une paradigme chinoise // La perspective en relations internationales / Sous la dir. de Héléne Pellerin. – Outremont: Athéna éditions, 2010. – 543 p.
- Non-western international relations theory: Perspectives on and beyond Asia / Ed. by Acharya A., Buzan B. – L; N.Y.: Routledge, 2010. – 253 p.
- Shih Ch.* Sinicizing international relations: self, civilization, and intellectual politics in subaltern East Asia. – N.Y., 2013. – 342 p.
- Peng Y.* On the changes in the international order // Contemporary international relations. – 2014. – Vol. 24, N 4. – P. 34–63.
- Shiping Z.* Zhongguo haiquan [China's sea power]. – Beijing: Renmin ribao chubanshe, 2009. – P. 65–82.
- Tingyang Z.* Tianxia tixi: Shijie zhidu zhaxue Daolun [Tianxia system: An introduction to the philosophy of world institutions]. – Nanjing: Jiangsu jiaoyu chubanshe, 2005. – P. 54–67.
- Xinchun N.* On China's international identity: A horizontal analysis // Contemporary international relations. – 2015. – Vol. 25, N 1. – P. 64–75.
- Xingzuo W.* Guoji lei qigan fazhan xianzhuang, wenti yu qiangjin fangxiang zuotanhui jiyao [Summary about discussion meeting The present situation in International periodicals, problems and trends of development] // Xiandai guoji guanxi [Contemporary international relations]. – 2013. – N 1. – P. 12–32.
- Xuetong Y.* Ancient chinese thought, modern chinese power. – Princeton, NJ: Princeton univ. press., 2011. – 312 p.
- Xuetong Y.* Yichao duoqiang Zouxian ZhongMei chaoji duojihua shihui [Движение от «одной сверх (державы) и многих сильных (государств) к «двум сверхдержавам – США-КНР и многоформатной державе]. – 2012. – Mode of access: http://www.guancha.cn/multiple-pattern-super-country/2012_01_13_64309.shtml (Дата посещения: 24.08.15.)
- Yaqing Q.* Quanjie zhili shiling yu zhixu linian de jiangou [Failure of Global Governance and Establishment of Order Concept] // Shijie jingji yu zhengzhi [World economics and politics]. – 2013a. – N 4. – P. 32–54.
- Yaqing Q.* Culture and global thought: Chinese international theory in the making // Revista CIDOB d'afers internacionals. – 2013b. – N 100. – P. 23–37.
- Zhongguo «Zouchuqu» zhanlue shi nian huigu: chengjiu yu tiaozhan [Обзор 10-ти лет стратегии Китая «Выхода за рубеж»: итоги и вызовы] // Xiandai guoji guanxi [Современные международные отношения]. – 2011. – N 8. – P. 17–54.
- Fanyin Z.* Meiguo de Yatai tongmeng tixi yu Zhongguo de yingdui [The US Asia-Pacific alliance system and China's policy options] // Shijie jingji yu zhengzhi [World economics and politics]. – 2013. – N 11. – P. 30–44.